

Восточный перипатетизм в средневековой Испании Османов А. М.

*Османов Анвар Магомедович / Osmanov Anvar Magomedovitch – кандидат философских наук,
кафедра философии и культурологии Востока,
Санкт-Петербургский государственный университет
Институт философии, г. Санкт-Петербург*

Аннотация: западные и арабские исследователи, анализируя положение средневековой арабо-мусульманской науки и ее связи с исламом, делают вывод, что участь этой философии была такой же, как в средневековой Европе – она должна была служить и служила теологии. Так, теологи, обращаясь к метафизической стороне учения Аристотеля, искали в ней религиозно-философские доказательства для обоснования наличия в религии разума. Более же светски настроенные ученые прибегали к перипатетизму ввиду их особого интереса к политическим и естественнонаучным вопросам.

Ключевые слова: восточный перипатетизм, фалсафа, Андалусия, Аристотель, Платон.

Высокоразвитая философская культура греков времен от Сократа и через Платона до Аристотеля придала мощный импульс формированию научно-философской культуры арабов IX-XI вв. Некоторые исследователи, глубоко проанализировав становление *фалсафы* и круг проблем, ее наполнявших, выражают уверенность в том, что наряду с социально-политическими проблемами, философско-антропологические занимали в ней одно из главных мест, ведь человек как объект изучения – создание особой сложности. Это в первую очередь объясняется тем, что он «(в единстве своих соматических, психофизических, эмоционально-духовных и социально-исторических измерений) – едва ли не самое сложное из того, с чем приходится иметь дело научному знанию» [14, с. 41]. Это в итоге приводило к заключению, что рационализм является главной и первейшей чертой философского мышления как такового. Так, марокканский историк философии Саид Бенсаид отмечает, что основные вопросы, рассматриваемые арабо-исламской философией, возникли в зачаточном состоянии еще в ходе политических разногласий в рамках исламской общины, связанных с проблемами власти и государственной организации. Поэтому с полной уверенностью можно сказать, что основной круг вопросов и проблем арабо-исламской *фалсафы* неизбежно должен был стать именно гуманистическим. Человеческая проблематика во всем многообразии ее сюжетов неизменно присутствовала в полноценной ткани философии восточных перипатетиков. Именно их, а не итальянских гуманистов XIV века можно назвать подлинными наследниками античной гуманности, сохранившими для Европы благородное наследие древнегреческой классической философии и науки.

В полной мере это имело отношение и к испанским арабо-мусульманским и еврейским мыслителям, философские и научные идеи которых обогатили общую традицию восточного перипатетизма. И так же, как это отражалось в стиле и культуре философствования всех стран и эпох, историко-политические детерминанты проявились здесь в значительной степени. Они повлияли как на менталитет жителей этой части арабского мира, так и на особенности этнического, культурного и религиозного взаимодействия в этом довольно непростообществе. Испания, с ее щедрой землей, богатыми естественными ресурсами и городами, которые существовали здесь еще с до-римских времен, была завоевана арабами в 710-712 гг. Став, собственно говоря, мусульманской провинцией Омейядского халифата, арабская Испания или Андалусия (*ал-Андалус*)¹ [15, с. 28–29] управлялась до 756 г. наместниками омейядских халифов. После свержения омейядской династии Аббасидами в 750 г., в живых остались лишь немногие ее представители; одним из уцелевших был Абд ар-Рахман, внук Хишама, десятого омейядского халифа.

Общность исторических судеб арабов и потомков испанских римлян оказала достаточно сильное влияние как на латинскую культуру, так и на арабскую. Андалусия поддерживала постоянный контакт с христианством как внутри, так и за пределами своих границ, с христианским миром, с которым она была лучше знакома, «как бы мало ни получила она от этого христианства, одновременно передавая ему многое из своей культуры, она способствовала взаимному обмену и взаимовлияниям, действие которых проявилось очень рано и которые не прекращались в течение всего средневековья» [13, с. 54]. При тесном «взаимном сотрудничестве и обмене в общем русле арабской культуры преобладающую роль играл Восток» [5, с. 79]. Один современный писатель того времени, Альваро, сетовал: «Христиане забыли даже свой язык, и из тысячи вы едва ли найдете среди одного, который бы сумел сносно написать латинское письмо своему другу» [12, с. 47]. При арабах Испания достигла значительного экономического и культурного подъема. Арабы, не утратив связей с высокой культурой Востока, ввели в сельское

¹ Это название якобы происходит от искаженного имени *Вандалисия*, образованного от наименования захватчиков – «вандалы». Территория Андалусии менялась по мере изменения расстановки политических сил. В настоящее время Андалусией принято считать область на юго-востоке Испании, которая была последним оплотом мавров в XIII-XV вв.

хозяйство Испании ряд новых восточных и южных культур: рис, сахарный тростник, пальмы, гранатовое дерево, шелковицу. При них в Испании продолжает развиваться виноградарство и виноделие, подъему земледелия во многом способствует привнесенная арабами система оросительных каналов. Вместе с тем наблюдалось улучшение скотоводства и горного дела, а также развитие традиционного обрабатывающего ремесла: производства металлических изделий, оружия, стекла, бумаги, предметов роскоши, выделки сукон и шерстяных тканей. Высокий подъем переживают и города в Испании, среди которых одних только торгово-ремесленных насчитывалось около сотни. Наравне с развитой внутренней торговлей, большинство испано-арабских городов вели обширную торговлю морским путем с Африкой, Италией, Византией и Востоком, а также сухопутным путем – с Южной Францией и Ломбардией. Одновременно с этим арабская Испания в X в. обладала и одним из сильнейших военных флотов в Европе.

Невероятный культурный подъем в Андалусии сопровождался ростом духовного уровня развития общества. По словам Э. Гарсиа Гомеса, «Багдад отразился в микроскопических багдадах» [11, с. 18]. Андалусцы, посещавшие города других частей арабского мира, особенно Ирака, не только получали или завершали там свое образование, но зачастую выступали и как учителя. В Кордове имелась большая библиотека и «высшая» школа, которая впервые появилась именно в арабской Испании. Особое развитие в этот период переживали естественнонаучные науки: медицина, математика, география и т.д. Философия в Андалусии была воспитана в духе ближневосточной арабоязычной философии, и в целом интеллектуальная жизнь арабской Испании на протяжении достаточно длительного периода поддерживалась культурными связями с остальным мусульманским миром [2]. Именно Андалусия породила целую плеяду блестящих ученых, например, Ибн Масарра (883-931), ал-Маджрити (ум. в 1008), ал-Кармани (ум. в 1066 г.), ал-Хадрами (ум. в 1057), Ибн Баргус (ум. в 1052), ал-Иклиди и, наконец, Ибн Туфайл (1110-1185), Ибн Рушд (1126-1198) и Ибн Араби (1165-1240) [4, с. 100].

Мистический дух философии Ибн Масарры (Абенмасарра, 883-931) оказал огромное влияние на средоточие арабо-испанского суфизма – эзотерическую школу Альмерии. Важность Альмерийской школы заключалась в том, что она представляла эзотерический ислам на самом западном краю исламского мира. Здесь, как и в Иране, подчеркивалась роль Эмпедокла, глашатая пророческой теософии, после популяризации учения которого Ибн Масарра даже обвинили в атеизме. После этого происшествия он предпочел отправиться в изгнание вместе с двумя любимыми учениками. Что касается приписывавшегося ему учения, то оно затрагивает довольно широкий круг тем. Ибн Масарра изучал превосходство и эзотеризм философии и психологии (которые ведут к встрече с *руханиййа*, духовной личностью или реальностью, олицетворяющей сокровенное бытие), абсолютную простоту, невыразимость, подвижный покой первого Бытия; теорию эманации; категории душ; индивидуальные души как эманации мировой души; их предсуществование и искупление. Эта совокупность взглядов отличается большим разнообразием и отсылает одновременно к гностическим и неоплатоническим источникам. Асин Паласиос писал об Ибн Масарре следующее: «Таинственная завеса, за которой Абенмасарра скрывал свою доктрину, эзотерическая печать его сочинений, небольшое количество его учеников, ересь и безбожие, которыми были отмечены его работы – все это вместе вполне объясняет недостаток средств, с чем необходимо сейчас бороться, чтобы реконструировать его систему» [3, с. 40]. Здесь следует добавить, что ни одно из его сочинений не сохранилось, более того, нет ни одного хотя бы его фрагмента.

В XI в. испанская исламская культура «стала подлинно самостоятельной, обретя свое высшее выражение в творчестве великих прозаиков и политических деятелей» [6, с. 117] Ибн Шухайда (992-1034) и Ибн Хазма (994-1063/64). Ибн Хазм из Кордовы был поэтом, мыслителем, богословом, критически настроенным историком религий и философских школ. Книга Ибн Хазма *Тавк ал-хамма* (Ожерелье голубки)² создала ему репутацию одного из наиболее знаменитых адептов платонизма в исламском мире. *Тавк ал-хамма*, «было своего рода сюрпризом как потому, что было создано человеком, занимавшим высокие посты в качестве теолога и правоведа, так и потому, что было целиком посвящено любви и включало многочисленные живые истории на эту тему» [15, с. 126]. В ней автор вводит техническую терминологию для толкования различных аспектов любви. Кроме того, это произведение является еще и личным дневником. Без какого-либо предустановленного плана он переносит на бумагу свои наблюдения и размышления о людях и о жизни андалусского общества XI в. [10, с. 217-222] По словам А. А. Игнатенко, «интеллектуальную жизнь Андалусии отличают сравнительно поздний интерес к философии и отсутствие в течение длительного периода мыслителей, чье значение было бы соизмеримо, скажем, с научным авторитетом ал-Фараби и Ибн-Сины» [10, с. 156].

Такое положение дел сохранялось вплоть до XII в., и о нем Ибн Туфайл писал, что «те из высокоодаренных мужей, что выросли в ал-Андалусе во времена, когда наука логики и философия еще не получили там распространения, посвящали жизнь свою математическим наукам, в коих они и

² См. русский перевод М. А. Салье под редакцией И. Ю. Крачковского. М., 1933 (2-е изд., 1957).

добились премногих успехов, но на что-нибудь большее оказались неспособны. На смену им пришло поколение ученых, которые превзошли их в известной степени познаниями в логике, в коей ими проводились кой-какие теоретические исследования, но наука эта не довела их до подлинного совершенства <...>. Потом на смену этим пришло еще одно поколение ученых, которые оказались более изощренными в умозрительном знании и ближе их продвинулись к истине. И среди них не было мужа с умом более пронзительным, более здравомыслящего и с более верными взглядами на вещи, чем Ибн ас-Са'иг [Ибн Баджжа – А.О.], да [вот только мирские дела захватили этого мужа, так, что смерть похитила его прежде], чем успели обнаружиться сокровища его познаний и смогли раскрыться тайны его мудрости» [8, с. 41]. Идеи же вышеупомянутых андалусских ученых по своему направлению и содержанию были почти тождественны философским и политическим взглядам жившего значительно раньше их Ибн Баджжи, «универсального мыслителя» [6, с. 174].

Приведенные слова Ибн Туфайла были, возможно, первым в истории философии высказыванием о том, что философия в мусульманской Испании достигла своей зрелости благодаря именно Ибн Баджже. Правильнее было бы сказать, что Ибн Баджжа явился первым философом в Андалусии «в полном смысле этого слова» [8, с. 40-41]. Покуда тех, кто причислял себя к философам, было чрезвычайно мало, ибо «ни один философ (учитель) уже не собирал вокруг себя бесчисленных групп людей и последователей, а встречи ученых, обсуждающих философские проблемы, почти не проводились, и независимый мыслитель в таких условиях должно быть чувствовал себя одиноким, отстраненным» [1, с. 174]. Проблема независимого мыслителя, противостоящего политическому обществу и вере недалекой, фанатично настроенной толпы, была резко решена на Западе с появлением философии Ибн Баджжи. Он, продолживший традиции восточного перипатетизма или *фалсафа*, представлялся своим современникам как «чудо века, сияющая звезда на небосклоне своего времени» [7, с. 175]. Последних же «характеризуют как людей, не овладевших так ученостью, как он, ничего из написанного ими нам на глаза не попадалось», тогда как новое поколение, говорит Ибн Туфайл, либо еще не доросло³, «либо остановились в росте, так и не достигнув совершенства, либо принадлежит к тем, о которых нам ничего не известно» [8, с. 40-41]. Особая роль Ибн Баджжи отмечается в западной католической литературе. Его философское учение повлияло на воззрения монахов-доминиканцев, представителей ортодоксальной схоластики Альберта Великого и его ученика Фомы Аквинского.

Воспринимая греческую философию как нечто единое, арабоязычные ученые все же производили в ней отбор и, отдавая предпочтение наиболее волновавшим их проблемам или по-иному расставляя акценты, обнаруживали этим самостоятельность мысли.

Литература

1. *Boer T. J. de.* The history of philosophy in Islam (tr. E.R. Jones). London: Luzac, 1903. 216 p.
2. *Fakhry M. F.* A History of Islamic philosophy. Second edition. New York: Columbia University Press, 1983. [Электронный документ]. URL: <http://muslimphilosophy.com/ip/fakhry/>. (дата обращения: 22.03.2011).
3. *Palacios M. A.* Abenmasarra y su escuela. Origenes de la filosofia hispano-musulmana. Madrid: E. Maestre, 1914. 190 p.
4. *Palacios M. A.* Huellas del Islam. Madrid: Espana-Calpe, 1941. 307 p.
5. *Бойко К. А.* Арабская историческая литература в Испании (VIII – первая треть XI в.). М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1977. 299 с.
6. *Грюнебаум Г. Э. фон.* Классический ислам. Очерк истории (600-1258). М.: Наука, 1981. 216 с.
7. *Ибн Баджжа.* Раса'ил Ибн Баджжа ал-илахиййа (Метафизические трактаты Ибн Баджжи) / Под ред. М. Фахри. Бейрут: Дар ан-нахар, 1968. 450 с.
8. *Ибн Туфайл.* Повесть о Хаййе, сыне Йакзана // Средневековая арабо-мусульманская философия в переводах А. В. Сагадеева. Том 3. М.: Изд. Дом Марджани, 2010. С. 37–99.
9. *Игнатенко А. А.* В поисках счастья. (Общественно-политические воззрения арабо-исламских философов средневековья). М.: Мысль, 1989. 254 с.
10. *Корбен А.* История исламской философии. М.: Прогресс–Традиция, 2010. 360 с.
11. *Куделин. А. Б.* Классическая арабо-испанская поэзия (конец X – середина XII в.). М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1973. 190 с.
12. *Кустодиев К.* Христианство в Испании под владычеством мусульман. Исторический очерк. М., 1867.
13. *Леви-Провансаль Э.* Арабская культура в Испании. Общий обзор. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1967. 96 с.
14. *Рашковский Е. Б.* Науковедение и Восток. М.: Наука, 1980. 190 с.
15. *Уотт У. М., Какиа П.* Мусульманская Испания. Пер. с англ. С. И. Дунаевецкого. Предисл. А. Б. Куделина. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1976. 199 с.

³ Некоторые исследователи считают, что речь здесь идет об Ибн Рушде.

